

- ⁷⁰ Столыпин П.А. Мысли о России. С. 124.
- ⁷¹ П.А. Столыпин. Грани таланта политика. С. 491–492.
- ⁷² Там же. С. 83; См. также: Столыпин П.А. Мысли о России. С. 85.
- ⁷³ Столыпин П.А. Переписка. С. 675.
- ⁷⁴ Там же. С. 31.
- ⁷⁵ Там же. С. 425–426.
- ⁷⁶ Пожигайло П.А. Столыпинская программа преобразования России (1906–1911). М., 2007. С. 232–233.
- ⁷⁷ См.: Аграрный вопрос в программах политических партий России: документы и материалы. Последняя треть XIX в. – октябрь 1917 г. М., 2000.
- ⁷⁸ Столыпин П.А. Мысли о России. С. 73–79.
- ⁷⁹ П.А. Столыпин глазами современников. С. 24.
- ⁸⁰ Столыпин П.А. Переписка. С. 425–426.
- ⁸¹ П.А. Столыпин. Грани таланта политика. С. 469, 491.
- ⁸² Законотворчество думских фракций 1906–1917 гг. Документы и материалы. М., 2006. С. 4.
- ⁸³ Столыпин П.А. Переписка. С. 369.
- ⁸⁴ Могилевский К.И. Столыпинские реформы и местная элита. Совет по делам местного хозяйства (1908–1910). М., 2008. С. 285–286.
- ⁸⁵ Столыпин П.А. Переписка. С. 279.
- ⁸⁶ П.А. Столыпин глазами современников. С. 95.
- ⁸⁷ Юровский Л.Н. Портреты (С.Ю. Витте, В.Н. Коковцов, П.А. Столыпин). М., 2011. С. 62.
- ⁸⁸ Столыпин П.А. Мысли о России. С. 101–102.
- ⁸⁹ Данилов В.П. Судьбы сельского хозяйства в России (1861–2001) // Крестьяноведение. Теория. История. Современность. Ученые записки. 2005. Вып. 5. М., 2006. С. 25.
- ⁹⁰ Розалина Н.Л. Власть и аграрные реформы в России XX века. М., 2010. С. 212–215.
- ⁹¹ См.: Медушевский А.Н. Размышления о современном российском конституционализме. М., 2007.
- ⁹² Аналитическая история: Журнал и приоритетные направления его развития // Отечественная история. 2008. № 5.

© 2012 г. В. В. ШЕЛОХАЕВ*

СТОЛЫПИНСКИЙ ТИП МОДЕРНИЗАЦИИ РОССИИ

В период масштабных трансформаций, переживаемых более двадцати лет современной Россией, необходимо переосмыслить опыт сходной ситуации, имевшей место в начале XX в. В контексте этой посылки особый исследовательский интерес представляет комплексный анализ системных столыпинских реформ. По сути, в этот период П.А. Столыпину пришлось одновременно преодолевать революционный кризис и проводить реформы, которые должны были создать условия для политической стабилизации, экономического роста и последующего эволюционного развития страны.

Личности Столыпина и его реформам посвящена огромная историография, созданная несколькими поколениями отечественных и зарубежных исследователей, принадлежащих к различным идеологическим направлениям и научным школам¹. За почти вековой период обществоведами разных специальностей (историки, экономисты, юристы) накоплен значительный фактографический материал. Однако историографический парадокс состоит в том, что до сих пор нет специальных работ, посвященных изучению взглядов Петра Аркадьевича, которые лежали в основе его исходного замысла и «технологической цепочки» реализации реформаторского курса. Издание в последнее десятилетие Фондом изучения наследия П.А. Столыпина ряда фундаментальных доку-

* Шелохаев Валентин Валентинович, доктор исторических наук, главный научный специалист Российского государственного архива социально-политической истории.

ментальных публикаций, вводящих огромный массив источников, дает исследователям уникальную возможность приступить к изучению именно системы мировоззренческих, идеологических, политических и социокультурных представлений одного из выдающихся реформаторов России начала XX в.² Основываясь на совокупности источников, непосредственно исходящих от самого Столыпина, попытаюсь систематизировать смысловые высказывания, содержащиеся в его выступлениях в Государственной думе и Государственном совете, в Совете по делам местного хозяйства, во всеподданнейших отчетах и докладах, записках, письмах и интервью³. В итоге это позволит, на мой взгляд, поставить проблему о типе столыпинской модернизации России.

Вначале остановлюсь на общей характеристике некоторых его базовых положений. Во-первых, через все сохранившиеся столыпинские тексты красной нитью проходит мысль о необходимости идти «своим, русским, национальным путем»⁴. Это исходное положение является отправным моментом для адекватного понимания как общего замысла преобразований, так и последующей реализации системных столыпинских реформ. Подчеркну, что из посылки (идти своим национальным путем) не следует, что Столыпин игнорировал западноевропейский, или шире – мировой опыт. В источниках имеются свидетельства того, что он не только внимательно изучал этот опыт, но и стремился его аккумулировать как в теоретическом плане, так и использовать практически с учетом конкретных исторических особенностей России. В своих текстах он неоднократно ссылался на труды западноевропейских теоретиков, политиков и практиков. Тем не менее, определяющим для него был все же собственный национальный исторический опыт, вобравший в себя и особенности формирования российской государственности и совокупность специфических социокультурных факторов и вековых традиций русского народа. Именно в этом контексте смысловое значение приобретают высказывания Столыпина о его «неуклонной приверженности к русским историческим началам», к «русскому национальному пути».

Во-вторых, Столыпин прекрасно осознавал всю сложность переживаемой Россией ситуации. Характеризуя ее, он использовал следующие емкие определения: «перестройка и брожение», «великий исторический перелом», «время переустройства всех государственных законодательных устоев»⁵. По сути, речь шла о масштабном переходном периоде, когда, по образному выражению самого Столыпина, совершался процесс «новоскладывающейся государственной жизни России»⁶. Гипотетически допустимые хронологические рамки этого переходного периода Столыпин определял, на мой взгляд, вполне реалистически. В интервью саратовской газете «Волга» 1 октября 1909 г. премьер-министр заявил: «Дайте государству 20 лет покоя, внутреннего и внешнего, и вы не узнаете нынешней России!». Опыт современной модернизирующейся России подтверждает нереальность каких-либо сиюминутных трансформаций, дающих позитивные результаты.

В-третьих, в рамках переходного периода Столыпин предполагал решить две взаимосвязанные проблемы: текущую, суть которой состояла в выводе страны из состояния «анархии и хаоса», спровоцированных революцией 1905–1907 гг., и перспективную – осуществление комплекса системных реформ, необходимых для создания стабильной и динамично развивающейся страны. Еще в 1972 г. выдающийся историк В.С. Дякин обратил внимание на важное высказывание Столыпина: «Реформы во время революции необходимы, так как революция породила в большей мере недостаток внутреннего уклада. Если заняться исключительно борьбой с революцией, то в лучшем случае устраним последствия, а не причину. К тому же этот путь торжественно возвещен, создана Государственная дума, и идти назад нельзя. Это было бы роковой ошибкой: там, где правительство победило революцию (Пруссия, Австрия), оно успевало не исключительно физической силой, а тем, что, опираясь на силу, само становилось во главе реформ. Обращать все творчество правительства на полицейские мероприятия признак бессилия правящей власти»⁷. При этом премьер-министр был убежден в том, что любого рода «злодейства (имеются в виду революционные эксцессы. – В.Ш.) должны пресекаться без колебаний», и «если государство не даст им действительного отпора,

то теряется самый смысл государственности. Поэтому правительство, не колеблясь, противопоставит насилию силу»⁸. Взявшись за выполнение «отрицательной» задачи (подавление революции), правительство, по словам Столыпина, должно отчетливо осознавать, что «для лиц, стоявших у власти... нет... греха большего, чем малодушное уклонение от ответственности»⁹. Подчеркивая, что именно «бездействие власти ведет к анархии», Петр Аркадьевич был убежден, что «святая обязанность» правительства состоит в том, чтобы «оградить спокойствие и законность, свободу не только труда, но и свободу жизни, и все меры, принимаемые в этом направлении, означают не реакцию, а порядок, необходимый для развития самых широких реформ»¹⁰. Из этой посылки следовал более общий социологический вывод: ограждая население от революционных эксцессов, правительство обязано «идти по пути строительства, чтобы создать вновь устойчивый порядок, зиждущийся на законности и разумно понятой истинной свободе»¹¹. Эта стратегическая задача – созидание основ новой жизни – не могла, как считал председатель Совета министров, «меняться в зависимости от злого умысла преступников: можно убить отдельное лицо, но нельзя убить идею, которую воодушевлено правительство. Нельзя уничтожить волю, направленную к восстановлению возможности жить в стране и свободно трудиться»¹².

В-четвертых, для выяснения содержания данной «идеи» важно понимание того контекста, в котором она формировалась. По мнению Столыпина, манифестом 17 октября 1905 г. в России был установлен «представительный строй», который дарован «самодержавным монархом» и, следовательно, является обязательным для всех его верноподданных¹³. По мере дальнейшей эволюции политической системы «преобразованное по воле монарха отечество наше должно превратиться в государство правовое»¹⁴. Как видим, Петр Аркадьевич вполне четко и определенно указывал вектор переходного процесса – создание в России правового государства.

В-пятых, представляется весьма важным уяснение понимания самим Столыпиным природы и функций российского государства, которое он рассматривал как монархическое, национальное (русское) и православное. В общем и целом речь шла о традиционном славянофильском взгляде на сущность и место государства в русской истории. Для прояснения представлений Столыпина обратим внимание на характеристику им двух типов государств: европейского, где конституционный режим уже давно стал историческим фактом, образом мысли и действия большинства, и российского, где «обновленному» после Манифеста 17 октября 1905 г. политическому строю еще предстоит длительная трансформация, медленное «вживание» в традиционную национальную ткань. В первом случае, считал Петр Аркадьевич, речь шла о государстве, «понимаемом как совокупность отдельных лиц, племен, народностей, соединенных одним общим законодательством, общей администрацией», которое, «как амальгама, блюдет и охраняет существующее соотношение сил». Второй же тип представлял «государство как некую силу, союз, проводящий народные исторические начала. Такое государство, осуществляя народные заветы, обладает волей, имеет силу и власть принуждения, такое государство преклоняет права отдельных лиц, отдельных групп к правам целого». «Таким целым я почитаю, – говорил Столыпин, – Россию»¹⁵. Именно из этого исходил он, неоднократно утверждая, что государство является высшей ценностью, а его общее «благо» – высшим законом.

Характерны также высказывания Столыпина о том, что в экстремальной ситуации, непосредственно угрожающей распаду цельности государства, власть не только может, но и обязана использовать все меры внеправового характера, чтобы сохранить единство страны. Ссылаясь на исторические прецеденты, он не отрицал также и возможности установления временной диктатуры, которая, по его словам, «иногда выводила государство из опасности и приводила до спасения». Так, в своей речи во II Думе 13 марта 1907 г. глава правительства подчеркивал: «Бывают, господа, роковые моменты в жизни государства, когда государственная необходимость стоит выше права и когда надлежит выбирать между цельностью теорий и целостью отечества». Однако, считал он, экстраординарные временные меры не должны «приобретать по-

стоянного характера», ибо «когда они становятся длительными, то, во-первых, они теряют свою силу, а затем могут отразиться на самом народе, нравы которого должны воспитываться законом»¹⁶.

В своей программной речи 16 ноября 1907 г. в III Думе Столыпин заявил: «Ведь русское государство росло, развивалось из своих собственных русских корней, и вместе с ним, конечно, видоизменялась и развивалась и Верховная царская власть». Делая акцент именно на органическом росте русской государственности, он считал принципиально неприемлемыми какие-либо иностранные «прививки» типа парламентаризма. «Нельзя к нашим русским корням, – утверждал реформатор, – к нашему русскому стволу, прикреплять какой-то чужой, чужестранный цветок. Пусть расцветет наш родной русский цвет, пусть он расцветет и развернется под влиянием взаимодействия Верховной власти и дарованного ею нового представительного строя»¹⁷. Из данной посылки вытекало три основных положения: 1) «верховная власть является хранительницей идей русского государства, она олицетворяет собой его силу и цельность, и если быть России, то лишь при условии всех сынов ее охранять, оберегать эту власть, сковавшую Россию и оберегающую ее от распада»; 2) «историческая самодержавная власть и свободная воля монарха являются драгоценнейшим достоянием русской государственности, так как единственно эта власть и эта воля, создав существующие установления и охраняя их, признана, в минуту потрясений и опасности для государства, к спасению России и обращению ее на путь порядка и исторической правды»; 3) все изменения политического строя в России произошли именно «сверху», по инициативе и воле монарха, установившего «правовой уклад, соответствующий русскому народному самосознанию»¹⁸. По своим исходным политическим представлениям Столыпин являлся последовательным сторонником монархического принципа, который, по его мнению, пронизывал и всю «обновленную» политическую систему после издания Манифеста 17 октября 1905 г. (российский монарх, в отличие, например, от своих венценосных английских родственников, согласно новой редакции Основных законов, продолжал сохранять за собой огромные властные прерогативы). Петр Аркадьевич был убежден в том, что, отстаивая принцип монархизма, он тем самым защищает основы русского государства, которое, будучи единым цельным организмом, отлаженным властным институтом, выражает широко понятые и осознанные большинством общенациональные интересы¹⁹.

В-шестых, «маховиком» всей государственной жизни страны должно было стать сильное правительство, назначаемое монархом и действующее под его непосредственным контролем. Исследовательского внимания заслуживают критерии, на основе которых Столыпин подбирал правительственную «команду». В переходный период, когда еще только шло формирование новой политической системы и, естественно, отсутствовала система правовых норм, роль формируемой «команды» была весьма важной. Недаром Петр Аркадьевич подчеркивал: «В тех странах, где еще не выработано определенных правовых норм, центр тяжести, центр власти лежит не в установлениях, а в людях»²⁰. Сильная и эффективная власть, считал он, должна иметь вполне определенные и ясные идеалы, обладать «зрелой государственной мыслью и твердой государственной волей»²¹, быть «хранительницей государственности и целостности русского народа»²², осуществлять общенациональную политику и во всех своих действиях руководствоваться исключительно государственными интересами. «Мы, – говорил Столыпин о возглавляемом им правительстве, – рулевые, стоящие у компаса, и должны смотреть только на стрелку... Мы – межвещики, которым доверены межевые признаки... Мы – главные, поставленные для охраны демаркационной линии»²³. В этих высказываниях премьер-министра, по сути, речь шла не только о сильном, но и ответственном правительстве, разрабатывающем и предлагающем обществу меры общегосударственного характера, соответствующие вызовам времени. Подчеркивая, что в условиях переходного периода принципом «государственного напряжения» должно стать общепонятное русское слово «поднатужиться», Столыпин считал, что правительство должно взять на себя всю тяжесть ответственности за судьбы страны и создать

стройный и эффективный центральный и региональный аппарат управления, иметь на местах «исполнителей испытанных, которые являются его руками, его ушами, его глазами. И никогда ни одно правительство не совершит ни одной работы, не только репрессивной, но и созидательной, если не будет иметь в своих руках совершенный аппарат исполнительной власти»²⁴. Решение проблемы укрепления вертикали власти, полагал Столыпин, может гарантировать, что и «при новом строе Россия не развалится, не расчленился на части, а крепнет и познает себя», на всем ее пространстве будет установлен «стройный правовой строй»²⁵. Он был убежден, что правительство должно вести яркую рациональную политику, со всей настойчивостью и целеустремленностью реализовать в своей программе идею преобразования России «не в направлении радикального, но постепенного прогресса и закономерности»²⁶.

В-седьмых, в условиях переходного периода огромное значение приобретала проблема налаживания оптимального сотрудничества между «обновленным» правительством, ответственным перед монархом, и вновь возникшими представительными учреждениями. Для совместной работы исполнительной и представительной власти, заявлял Столыпин, крайне важно найти «тот язык, который был бы одинаково нам понятен»²⁷. Таким «языком», по его мнению, должно было стать одинаковое понимание правительством и «молодым народным представительством» общегосударственных и общенациональных задач. Обе ветви власти, считал председатель Совета министров, должны проводить в жизнь «обдуманное и твердое новое начало государственного строя», что способствовало бы «успокоению и возрождению нашей великой страны»²⁸.

В данном концептуальном контексте осуществлялась разработка идеологии и методологии плана системных реформ, который Столыпин образно называл «наша чернорабочая программа»²⁹. Идеология реформ базировалась на двух взаимосвязанных элементах. Об одном из них – роли государства и его институтов – уже говорилось выше. Вторым элементом являлась мысль о необходимости полного раскрепощения человека в России, формирование подлинно творческой, созидательной активной личности. Свою стратегическую задачу Столыпин видел в соединении двух, органически связанных «звеньев» – государства и личности – в единое творчески ориентированное целое, одушевленное общим замыслом – созидание Великой России. Соединение мощи государства, ориентированного на достижение общего блага, и творческой энергии свободной личности должно было стимулировать формирование в России правового государства и гражданского общества, современной рыночной экономики, среднего класса, который в перспективе стал бы «мотором» последующего динамического развития страны. Суть же методологии столыпинских реформ заключалась в осознании единства общего замысла и «технологической цепочки» его реализации. Подчеркивая национальный характер намечаемых преобразований, Столыпин считал важным придерживаться принципа: «Мы ничего насильственно, механически не хотим внедрять в народное сознание»³⁰.

После предварительных замечаний перейду к рассмотрению содержательной стороны столыпинских преобразований. Учитывая их масштабность, выделю из них наиболее существенные реформы, определяющие собой основной вектор политики в переходный период. Одна из стратегических задач Столыпина состояла в освобождении, по образному его выражению, «становящейся личности» от бесчисленного множества вековых сословных, религиозных, национальных, общинных преград. Законы, по его мнению, должны четко определить права и обязанности личности, ибо в противном случае «права эти и обязанности будут находиться в зависимости только от вождя и воли отдельных лиц»³¹. В этом плане особое значение имел указ 5 октября 1906 г. «Об отмене некоторых ограничений в правах сельских обывателей и лиц других бывших податных сословий»³², самым непосредственным образом касавшийся судеб многомиллионного сельского населения. Он ликвидировал архаичную систему разного рода ограничительных мер, вопиюще подчеркивающих гражданскую и политическую неполноправность «сельских обывателей» и предоставлял им широкий круг

прав, уравнивающих их с другими категориями населения. Уравнение прав крестьянства с остальными сословиями России, считал Столыпин, должно стать не словом, а фактом³³.

Отмене подлежали статьи законодательства, предусматривавшие: а) обязательное исключение «сельских обывателей и лиц других бывших податных сословий» из общества при их поступлении на гражданскую службу, производстве в чины, получении орденов и знаков отличия, окончании курса в учебных заведениях; получении ученых степеней и званий; б) с 1 января 1907 г. отменялись подушная подать и круговая порука в уплате окладных государственных, земских и мирских сборов; в) унижающие человеческое достоинство меры, как-то: отдача неисправного плательщика «в заработки» и определение к нему опекуна в качестве взыскателя сборов и повинностей, принудительная отдача лиц на общественные работы в качестве наказания или при несостоятельности их в уплате присужденных по судебным приговорам денежных взысканий; г) особые правила о наказуемости сельских обывателей и других лиц, подведомственных волостному суду; д) запрещение сельским обывателям, не владеющим недвижимыми имуществами, обязываться векселями; е) запрещение бывшим горнозаводским людям и крестьянам устраивать «огнедействующие» заведения, лесопильные заводы и мельницы, а также производить торговлю лесом в заводских селениях; ж) утверждение губернатором земских гласных от сельских обществ из числа кандидатов, избранных волостными сходами.

Согласно указу, «сельские обыватели и лица других податных сословий» получали одинаковые с дворянством права в отношении государственной службы. Упразднялись все особые преимущества на занятие, «по определению от правительства», ряда должностей в зависимости от сословного происхождения. «Сельские обыватели» больше не должны были предоставлять увольнительные, полученные от сельских сходов, при поступлении в учебные заведения и на гражданскую службу на все время прохождения курса в учебных заведениях; они также освобождались от необходимости получать увольнение от общества, согласие казенной палаты и разрешение губернатора при поступлении в белое духовенство или при пострижении в монашество. Вместе с тем в указе подчеркивалось, что лица, приобретшие «высшие права состояния», сохраняли за собой право оставаться в составе своих обществ, пользуясь «всеми связанными с принадлежностью к своим обществам правами, а равно и неся соответствующие обязанности». Одновременно «сельским обывателям», принадлежащим к составу сельских обществ, предоставлялось право вступать в другие сельские общества, а также свободно выбирать место постоянного жительства, получать бессрочные паспорта. Кроме того, тем из них, кто обладал установленным ценом, помимо надельной земли, предоставлялось право участвовать во вторых земских избирательных съездах и собраниях независимо от их участия в выборах гласных от сельских обществ уезда.

Принципиально важное значение имел законопроект о неприкосновенности личности, жилища и тайны корреспонденции, который четко определял круг личных прав и свобод, а также связанные с ними обязанности³⁴. Согласно законопроекту, никто не мог быть наказан иначе, «как в порядке, законом определенном»; никто не мог быть судим «иначе, как тем судом, которому по закону подведомственно вменяемое в вину деяние»; никто не мог быть задержан или заключен под стражу либо подвергнут личному обыску «иначе, как в случаях, законом определенных, и притом лишь по предъявлении письменного о том требования, от подлежащей судебной власти исходящего». Одновременно в проекте фиксировались правовые функции полицейской, следственных и судебных органов, которые имели право действовать в строго обозначенных законом пределах. Столыпин ставил и решал две взаимосвязанные задачи: во-первых, личность включалась в единое правовое пространство и воспитывалась в духе правопорядка и законности; во-вторых, фиксируемые в проекте права сопрягались с ответственностью за нарушение этих прав.

Консолидирующую политическую и социальную функцию выполнял комплекс законопроектов конфессионального характера³⁵. Столыпин стремился найти «баланс

интересов» между личностью, государством и «господствующей первенствующей православной Церковью». «Вместе с тем, – отмечал он, – права и преимущества православной Церкви не могут и не должны нарушать прав других исповеданий и вероучений»³⁶. Кроме того, государство должно оставить за собой «и право, и обязанность определять политические, имущественные, гражданские и общеуголовные нормы, вытекающие из вероисповедного состояния граждан». Отстаивая свободу совести и право выбора личностью соответствующей конфессии, Столыпин настаивал на четком законодательном закреплении этого права. Так, в соответствующем законопроекте подчеркивалось, что каждому гражданину, достигшему 21 года, предоставлялось право перехода «во всякое вероисповедание или вероучение, принадлежность к коему не наказуема в уголовном порядке». Нельзя также не отметить, что в законопроекте «Об отношении государства к отдельным вероисповеданиям» предусматривались меры наказания за оскорбление религиозных чувств лиц нехристианских вероисповеданий.

Столыпину принадлежит важная роль в инициировании целого ряда законопроектов, снимавших вековые противоречия между православными, старообрядцами и сектантами, которым предоставлялось право свободного исповедания их веры и отправления религиозных обрядов по правилам их вероучений, создания самоуправляющихся религиозных общин и избрания духовных лиц, настоятелей или наставников, сооружения храмов, молитвенных домов, богоугодных заведений, а также право приобретать и отчуждать, для осуществления целей общины, недвижимое имущество, образовывать капиталы, заключать договора, вступать в обязательства, подавать судебные иски и отвечать в суде. Процесс выравнивания прав старообрядцев и сектантов с православными имел огромное значение для вовлечения тех и других в единый модернизационный процесс.

Принципиально важный шаг был сделан Столыпиным в снятии разного рода национальных ограничений и, прежде всего, относительно еврейского населения. Учитывая всю остроту и неоднозначность восприятия в российском обществе еврейского вопроса, председатель Совета министров ставил его решение в конкретную плоскость. В подготовленном под его руководством документе «О пересмотре постановлений, ограничивающих права евреев», подписания которого он настойчиво добивался от Николая II, предполагалось отменить запреты: а) на проживание отдельных категорий евреев (механики, винокуры, пивовары, мастера и ремесленники, проживающие, без прекращения своего ремесла, в течение десяти лет вне черты оседлости) на всем пространстве Империи; б) на приобретение в городских поселениях недвижимых имуществ; в) на включение евреев в правление акционерных обществ, имевших земельную собственность.

Трудно также переоценить роль Столыпина в деле освобождения миллионов крестьян от традиционных общинных пут. Последовательно отстаивая законное право крестьян на выход из общины, он считал, что только таким путем удастся уничтожить «закрепощение личности, несовместимое с понятием о свободе человека и человеческого труда». Подчеркивая, что «писаная свобода должна превратиться в свободу настоящую», он был убежден, что «пока крестьянин беден, пока он не обладает личной земельной собственностью, пока он находится в тисках общины, он остается рабом, и никакой писанный закон не даст ему блага гражданской свободы»³⁷. Вместе с тем неверно считать, как это десятилетиями утверждалось в советской историографии, что столыпинское законодательство насильственно ломало крестьянскую общину. Подчеркивая, что лишь личный собственник – «кузнец своего счастья», Столыпин считал принципиально важным, чтобы сам крестьянин сделал свой выбор: оставаться ему в «тисках» общины или же выйти из нее. «Правительство, – указывал он, – считает совершенно недопустимым установление какого-либо принуждения, какого-либо насилия, какого-либо гнета чужой воли над свободной волей крестьянства в деле устройства его судьбы, распоряжения его надельной землей»³⁸. Задачу правительства он видел в том, чтобы убедить крестьян в очевидной истине: предлагаемый закон является последним звеном в «деле раскрепощения нашего земледельческого класса», его определяет глав-

ная мысль – «не земля должна владеть человеком, а человек должен владеть землей». Окончательный же выбор принадлежит самим крестьянам. И если они сделают этот выбор вполне сознательно и взвешенно, то «мелкий земельный собственник, несомненно, явится ядром будущей мелкой земской единицы, он трудолюбивый, обладающий чувством собственного достоинства, внесет в деревню и культуру, и просвещение, и достаток».

Центральной мыслью столыпинского законодательства была идея осуществления прав и свобод граждан через систему выборного начала, начиная от низовых ячеек и структур (земельные, сельские общества и товарищества, сходы, советы, больничные кассы, профсоюзы, местное самоуправление) и вплоть до Государственной думы. Получая гражданские права, «становящаяся личность» непосредственно приобщалась к процессу выработки и принятия решений на всех уровнях. Реализация правительственных законопроектов о правах и свободах граждан, безусловно, способствовала формированию в России нового типа личности – свободной, творчески активной, целеустремленной в выборе жизненной позиции и профессиональной ориентации, способной обеспечивать экономический рост в стране, создать основу социальной и политической стабильности и мобильности.

Прекрасно осознавая, что декларирование прав и свобод само по себе важно, но явно недостаточно, Столыпин считал необходимым реализовать всеобъемлющую судебную реформу (унификацию законодательства и пересмотр устаревших правовых норм), которая должна была создать единое правовое пространство в масштабах всей России и единый хорошо отлаженный механизм судопроизводства, максимально приближающий его к населению. В этом плане исследовательского интереса заслуживает базовый документ «О преобразовании местного суда». Обосновывая важность реформы местного суда, Столыпин подчеркивал, что надо его превратить в суд «доступный, дешевый, скорый и близкий населению»³⁹. Реформа предусматривала повышение образовательного и профессионального ценза мировых судей, их тесную связь с территорией, на которую распространялась юрисдикция местного суда (проживание на данной территории не менее года), материальную обеспеченность и независимость (владение землей или другим имуществом). Мировые судьи избирались сроком на три года земскими собраниями и городскими думами. Причем должность мирового судьи не могла быть совместима с другой должностью по государственной или общественной службе, за исключением только почетных должностей в местных богоугодных и учебных заведениях, а также звания гласного земских собраний или городских дум. В законе была четко прописана компетенция мирового судьи, круг рассматриваемых им гражданских (имущественные дела, о найме, аренде, наследстве и т.д., не превышающие сумму в 1 тыс. руб.) и уголовных дел (выговоры, денежные взыскания на сумму не свыше 1 тыс. руб., арест на 15 суток и заключение в тюрьму без права лишения состояния и преимуществ). Граждане, обратившиеся в мировой суд, могли воспользоваться услугами высококвалифицированных адвокатов, а в случае необходимости им предоставлялись и услуги переводчика. Важно подчеркнуть, что закон о реформе местного суда пронизывала мысль о его самоценных примирительных и арбитражных функциях, позволявших добиться в ходе следствия и самого судебного процесса примирения сторон, поиск и принятие социально консолидированных решений. Гражданам предоставлялось право обжаловать решения мирового суда в вышестоящих судебных инстанциях (съезд мировых судей, окружной суд, Правительствующий Сенат).

На демократизацию и гуманизацию судебной системы, на укрепление в населении, по словам Столыпина, «святости и нерушимости закона» была направлена целая серия законопроектов, обеспечивающих защиту граждан на предварительном следствии, вводящих институт условного осуждения (в зависимости от меры виновности с отсрочкой наказания на 3–5 лет), а также условного досрочного освобождения (после отбытия осужденным $\frac{3}{4}$ определенного судебным приговором срока, с определением ему места жительства и содействием трудоустройству). Одновременно правительство Столыпина

разработало законопроект о гражданской и уголовной ответственности должностных лиц, нарушавших законные права и свободы граждан.

Стратегическая задача главы Совета министров заключалась в том, чтобы в кратчайшие исторические сроки сформировать в России средний класс, являющийся прочным фундаментом гражданского общества и правового государства. В аграрно-крестьянской стране основным источником формирования и пополнения среднего класса могло быть только крестьянство, составлявшее 80% населения страны. Законодательно расширяя гражданские и политические права крестьян, Столыпин самым последовательным и решительным образом настаивал на формировании массового крестьянина-собственника. Правительство, подчеркивал он, «не могло не дать удовлетворения тому врожденному у каждого человека, поэтому и у нашего крестьянина, чувству личной собственности, столь же естественному, как чувство голода, как влечение к продолжению рода, как всякое другое природное свойство человека».

Считая частную собственность основой экономического возрождения России, Столыпин создал максимально благоприятные условия для реализации крестьянином-собственником его прав к созидательному труду. В комплексе законодательных актов, посвященных решению векового «аграрно-крестьянского вопроса», подробнейшим образом прописывались права выходящего из общины крестьянина-домохозяина, землеустроительная политика правительства, в том числе и меры содействия и помощи (расширение землевладения, рациональное устройство и ведение хозяйства, льготные кредиты, судебная защита) в создании устойчивого и динамичного частного хозяйства и товарно-рыночного производства. В распоряжение крестьян были переданы казенные, удельные, кабинетские земли, которые они могли приобрести по ценам Крестьянского банка. Одновременно крестьяне получили ряд льгот: получение ссуд на хозяйственное устройство на хуторах и отрубях, на общепольные надобности, на сельскохозяйственные улучшения, на переселение, на бесплатную перевозку ходоков; понижение платежей заемщиков Крестьянского поземельного банка и т.д. Кроме того, крестьяне бесплатно получали из казенных дач материал для возведения построек, освобождались от уплаты гербового обзора и пошлин при оформлении целого ряда землеустроительных документов.

Анализ аграрно-крестьянского столыпинского законодательства показывает, что правительство, осуществляя земельную реформу, сопоставимую по своим масштабам с отменой крепостного права, разрабатывало систему мер, направленных на установление социального мира и партнерских отношений в российской деревне. Как уже отмечалось выше, Столыпин, выступая против административного нажима, стремился обеспечить гражданские и имущественные права всех без исключения субъектов: помещика, отношения которого с крестьянами регулировались в рамках закона; крестьянина-собственника, права которого обеспечивались системой законодательных актов; крестьянской общины, сохранившей институты обычного права и свои общественно-хозяйственные функции.

Приступая к разработке реформы местного управления, Столыпин считал ее не самоцелью, а функциональным средством и механизмом, способствующим результативному проведению системных преобразований. Он сознавал, что в условиях масштабных перемен старый административно-бюрократический аппарат, сформированный преимущественно по сословному принципу, пронизанный сервильным и коррупцией, не только оторванный, но и противостоящий местному управлению, явно не способен находить адекватные ответы вызовам времени. Таким образом, речь должна была идти о формировании новой генерации административно-управленческой элиты, для которой были бы характерны: социальная мобильность, высокий профессионализм и компетентность, желание и умение работать одной «командой», открытость инновациям, идущим, в том числе, и со стороны общества. Не случайно девизом столыпинской концепции реформы местного управления стало: «Единое понимание замысла реформ и единая воля при их реализации». Столыпин считал

важным наладить четкую связь между центральными и местными исполнительными структурами и институтами, достигнуть синхронности в их действиях в деле реализации реформ. Учитывая слабую структурированность российского общества, которое еще находилось в начальной стадии трансформации в гражданское общество, он настаивал на том, что реформированные управленческие структуры должны, образно говоря, выполнить роль «оперативной разведки», не только чутко улавливая импульсы, идущие со стороны общества, но и иницируя постановку новых задач, соответствующих вызовам времени. Соответственно, реформа местного управления, по замыслу Столыпина, должна была сыграть роль мобилизационного фактора в деле дальнейшего развития России.

Теоретическое обоснование и конкретное законодательное оформление столыпинская реформа местного управления получила в серии взаимосвязанных основополагающих документов – «Главные начала устройства местного управления» (1906), «Об установлении главных начал устройства губернских учреждений» (1907), «Главные начала преобразования земских и городских общественных управлений» (1907), «Положение о поселковом управлении» (1907), «Положение о волостном управлении» (1907), «Проект заключения об изменении и дополнении действующих узаконений об уездных установлениях в губерниях, управляемых по общему учреждению губернскому» (1907), «Положение о правительственных участковых комиссарах» (1907), «Положение о губернском управлении» (1907)⁴⁰.

Общая схема реформы управления выглядела следующим образом. Ее низовое звено – поселковое управление – возлагалось на земельные, волостные и поселковые общества, а также на сельские союзы. Земельные общества, созданные в результате упразднения особого сословного управления крестьян, получали права юридических лиц и право самообложения. В них входили домохозяева, владеющие участками полевой или усадебной земли, из состава принадлежащих обществу наделных земель. Учреждениями общественного управления земельного общества являлись земельный сход (распорядительный орган), состоящий из всех членов данного общества, и земельный староста (исполнительный орган), избираемый сходом. Компетенция земельного схода ограничивалась исключительно хозяйственными функциями, а земельный староста, помимо выполнения решений схода, исполнял поручения участкового комиссара и земских учреждений по делам, касающимся исключительно благоустройства и благосостояния селения, и распоряжения по подаче помощи в чрезвычайных случаях (пожары, наводнения, эпидемии).

Поселковое управление возлагалось на волостные общества лишь в тех волостях, в состав которых входило только одно село. Обычно же поселковые общества состояли из «лиц и учреждений, владеющих недвижимыми имуществами, либо содержащих торговые, промышленные или ремесленные заведения в черте усадебной оседлости сельского населенного места»⁴¹. Обладая правом юридического лица, поселковое общество могло приобретать и отчуждать как движимое, так и недвижимое имущество, распоряжаться своими имуществами и капиталами, принимать пожертвования, вступать в договоры и обязательства, а также обращаться в судебные инстанции через своих поверенных. Учреждениями управления поселкового общества являлись поселковый сход, поселковый староста (не моложе 25 лет), утверждаемый в должности участковым комиссаром, а также помощники старосты – поселковый писарь и вспомогательные должностные лица. Поселковый сход состоял из всех членов общества, владеющих лично не менее одного года, в пределах поселкового общества усадебными местами с жилыми постройками, либо иного рода недвижимым имуществом, а также торговыми, промышленными или ремесленными заведениями, обложенными земскими сборами в сумме не менее 2 руб. в год. Лица женского пола участвовали в сходе через уполномоченных, а лица, не достигшие 21 года – через опекунов и попечителей. Не имели права участия в сходе: иностранные подданные; монашествующие; чины общей полиции; осужденные и состоящие под следствием; подвергавшиеся по судебным приговорам за преступные деяния лишению или ограничению прав состояния, либо исключению из

службы; объявленные несостоятельными должниками; лишенные духовного сана или звания за пороки; исключенные из среды обществ и дворянских собраний; состоящие под гласным надзором полиции.

Поселковые гласные (в составе не более 60 человек) избирались на трехлетний срок путем тайного голосования. В компетенцию поселкового схода входил широкий круг проблем, связанных с жизнедеятельностью и жизнеобеспечением поселкового общества: избрание исполнительных органов поселкового общества, членов сельского совета и общественных ссудно-сберегательных касс; запрещение и разрешение открытия в пределах общества частных питейных заведений; рассмотрение строительного плана селения; устройство и содержание ночных караулов, пожарных обзоров, дорог, улиц, площадей, сточных труб, прудов, колодцев, канав, мостов, гатей, переправ; выдача пособий из общественных средств на устройство и содержание правительственных, церковных, земских и частных учебных заведений, больниц, богаделен, приютов; назначение и раскладка между членами общества денежных сборов на общественные потребности; установление и раскладка между членами общества натуральных повинностей; распоряжение общественными имуществами и капиталами; заключение займов на нужды общества в размере не свыше общей суммы годовой сметы общества; подача жалоб по делам общества через уполномоченных и поверенных.

Достаточно широким был круг обязанностей должностных лиц поселкового общества, которые все время должны были посвящать выполнению своих функций. Недаром в законопроекте «Положение о поселковом управлении» специально подчеркивалось, что должности поселкового старосты и его помощников не могут быть совмещаемы ни с какими иными общественными должностями, кроме должностей земельного старосты, а также волостного старшины. Характерно также, что должности старосты и его помощников не могли в одно и то же время занимать лица, находящиеся в родстве или свойстве с ним, а также участники в одном торговом, промышленном или ремесленном предприятии. Староста и его помощники на время исполнения службы освобождались от исполнения всяких натуральных повинностей. Сумма содержания поселковым должностным лицам определялась поселковым сходом на трехлетний срок и не могла быть уменьшаема, без их согласия, до истечения этого срока. На поселкового старосту возлагались следующие обязанности: созыв и роспуск поселкового схода; приведение в исполнение приговоров схода; сношения по делам общества с подлежащими учреждениями; заведование общественными имуществами, капиталами и заведениями; наблюдение за исправным поступлением общественных сборов, а также за исполнением общественных натуральных повинностей; производство расходов из общественных средств по указанию схода; наблюдение за исполнением обязательных постановлений, действующих в пределах общества; привлечение к ответственности виновных в нарушении этих постановлений; исполнение поручений участкового комиссара, а также земских учреждений по делам, касающимся общественного благоустройства и благосостояния; распоряжение в подаче помощи в чрезвычайных случаях (пожары, наводнения, эпидемии и эпизоотии и т.п.). Как должностное лицо поселковый староста имел право подвергать виновных в нарушении обязательных постановлений схода денежному штрафу в размере не свыше 3 руб. В свою очередь, за проступки по службе поселковые должностные лица могли быть подвергнуты наказанию участкового комиссара: староста и его помощники – замечаниям и выговорам, а остальные должностные лица – выговорам и денежным штрафам в размере до 3 руб.

Поселковым обществам предоставлялось право, по приговорам сходов, объединяться между собой, а также с частными владельцами в сельские союзы для совместной деятельности по отдельным предметам местного благоустройства и благосостояния, относящихся к ведению поселковых сходов. Заведование делами сельского союза возлагалось на сельский совет, который должен был состоять не менее как из 12 членов, избираемых на трехлетний срок.

Второй ступенью местного управления являлось волостное управление, которое распространялось на сплошные округа (волости), образуемые из находящихся вне городских поселений всякого рода владений казны, обществ, учреждений и частных лиц и на проживающих в пределах этих округов лиц, без различия состояний, а также на находящиеся в них имущества и заведения. Волостное управление возлагалось на волостные общества, в состав которых входили все лица, учреждения и общества, владеющие в пределах волости недвижимыми имуществами. Являясь юридическим лицом, волостное общество имело право приобретать и отчуждать как движимые, так и недвижимые имущества, распоряжаться своими имуществами и капиталами, принимать пожертвования, вступать в договоры и обязательства, выступать в суде через своих поверенных. Распорядительным органом волостного общества являлось волостное собрание, состоящее из волостных гласных, избираемых земельными обществами и поземельными товариществами, приобретшими землю при содействии Крестьянского банка, а также частными учреждениями и лицами, владеющими не менее одного года недвижимыми имуществами в пределах волости, и из представителей находящихся в пределах волости владений церквей, монастырей, казны и уделов. Общее число волостных гласных определялось уездным советом в количестве 30–50 человек, в зависимости от численности населения волости. Волостные гласные избирались на трехлетний срок раздельно: земельными обществами и поземельными товариществами, приобретшими землю при содействии Крестьянского банка; волостным избирательным собранием, состоящим из владельцев недвижимых имуществ (не принадлежащих к составу владений земельных обществ, поземельных товариществ, церквей, монастырей, казны и уделов), которые облагались земельными сборами в сумме не менее 2 руб. в год. Избрание волостных гласных производилось посредством закрытой баллотировки.

В компетенцию волостного собрания входило: избрание волостного старшины и его помощников, назначение им содержания; рассмотрение и утверждение отчетов старшины; избрание гласных в уездное земское собрание; устройство и содержание начальных одноклассных школ, приемных покоев, амбулаторий, богаделен и приютов; выдача пособий на устройство и содержание правительственных, церковных, земских и частных учебных, лечебных и благотворительных заведений, существующих и учреждаемых в пределах волости; устройство и содержание дорог местного пользования и местных почтовых сообщений; устройство общественных учреждений мелкого кредита, а также сельскохозяйственных и кустарных складов; раскладка между земельными обществами и поземельными товариществами, а также между частными владельцами, натуральных земских повинностей; назначение денежных сборов на волостные расходы; распоряжение общественными имуществами и капиталами; заключение займов на общественные нужды в размере не свыше общей годовой сметы волости.

Волостной исполнительный орган состоял из волостного старшины (не моложе 30 лет, владеющего грамотой) и его помощников – волостного писаря, сотских, вспомогательных должностных лиц. Как и поселковый староста, волостной старшина не мог занимать иных общественных должностей, всецело посвящая себя выполнению широкого круга обязанностей. В его компетенцию входили дела: общего управления (объявление законов и распоряжений правительства и исполнение поручений участкового комиссара); земского управления (участие в заведовании находящимися в пределах волости земскими заведениями и исполнение поручений земских управ и собраний); волостных учреждений (созыв и роспуск волостного собрания и приведение в исполнение его приговоров); по охране порядка и безопасности (принятие мер к восстановлению нарушенного порядка и задержанию виновных в преступлениях и проступках); сельскохозяйственной полиции (освидетельствование потрав и других повреждений сельскохозяйственной собственности); задержание пригульного скота и распоряжения при пожарах и наводнениях; воинской и военно-конской повинности (ведение посемейных списков, распоряжения о призыве к исполнению воинской повинности); по взиманию окладных сборов (рассылка окладных листов и наблюдение за

поступлениями окладных сборов); по паспортной части – выдача видов на жительство и т.д. Старшина имел право подвергнуть виновных штрафу в размере не свыше 10 руб. в пользу волостных сумм. В своих действиях он подчинялся руководству участкового комиссара земских учреждений. Размер его содержания определялся волостным собранием на трехлетие.

Итак, местное управление (поселковое и волостное) носило демократический, коллегиальный характер, обеспечивало общественный контроль за действиями должностных лиц. Разрабатывая реформу местного управления, Столыпин стремился учитывать национальные традиции и ментальность большинства населения, решительно выступая за ликвидацию сословных перегородок и сословных учреждений особого управления крестьян (земские начальники, уездные съезды и губернские присутствия). Тем самым он создавал (прежде всего среди крестьянства) предпосылки для формирования базовых элементов гражданского общества. Значительно расширяя гражданские права крестьян, он рассчитывал привлечь к управленческому процессу основную массу населения, приучая его к ответственности за выработку и принятие решений, от качества которых непосредственно зависело благосостояние и благополучие земельных, поселковых и волостных обществ. По сути, поселковое и волостное управление представляло собой местное самоуправление, хотя формально «мелкой земской единицы» и не существовало.

Настаивая в своих законопроектах на ликвидации должностей уездного предводителя дворянства и земского начальника, которые по преимуществу отстаивали сословные интересы землевладельческого класса – поместного дворянства, сковывали местную инициативу, Столыпин предложил заменить их правительственными чиновниками (участковый комиссар). По его замыслу, участковый комиссар, являясь представителем правительственной власти, должен быть связующим звеном между поселковым волостным и уездным управлением, осуществлять надзор за их деятельностью. Городские общественные учреждения и чины общей полиции не входили в его компетенцию. Участковый комиссар назначался министром внутренних дел из лиц, достигших 25-летнего возраста, имеющих диплом об окончании высшего или среднего учебного заведения и соответствующий административный опыт. Он не имел права совмещать должность с какими-либо иными должностями по правительственной или общественной службе. В круг компетенции участкового комиссара входило: ведение дел по земельному, поселковому и волостному управлениям, в том числе утверждение в должности лиц поселкового и волостного управления, контроль за правильностью их распоряжений и наложение на них дисциплинарных взысканий, вплоть до отстранения от должности, и участие в завершении поземельного устройства сельских обывателей, заведование делами по взиманию окладных сборов и по военной и военно-конской повинностям; исполнение поручений правительственных учреждений; распоряжения при чрезвычайных обстоятельствах. Действия участкового комиссара могли быть обжалованы в уездном совете.

Определенные изменения в сфере управления предусматривались на уездном и губернском уровнях. В каждом уезде учреждалась должность начальника уездного управления, который являлся представителем общей правительственной власти в пределах уезда. Начальник уездного управления назначался царем по представлению министра внутренних дел из числа лиц, занимавших должности вице-губернатора, предводителя дворянства, неперменного члена губернского по крестьянским делам присутствия, председателя уездного съезда, председателя губернской или уездной земской управы. Его должность не могла быть совмещена ни с какими иными должностями по государственной и общественной службе. Начальнику уездного управления подчинялись все уездные правительственные учреждения и должностные лица МВД, а также участковые правительственные комиссары. Кроме того, он, по поручению губернатора, мог производить ревизии всех земских и городских учреждений, присутствовать в заседаниях земского собрания и городской думы, не участвуя, однако, в разрешении дел. Начальник уездного управления являлся председателем уездного совета во всех

его присутствия и осуществлял руководство его занятиями и делопроизводством. В компетенцию уездного совета входило осуществление распорядительных, административно-судных и дисциплинарных функций. В порядке своей деятельности начальник уезда подчинялся руководству и надзору губернатора, представлял ему ежегодные отчеты о состоянии дел в уезде и о деятельности правительственных и общественных учреждений уезда.

Управление губернией возлагалось на губернатора, кандидатура которого утверждалась царем по представлению министра внутренних дел и с одобрения Совета министров. Состоя в ведомстве МВД, губернатор являлся главным представителем высшего правительства в губернии. Он осуществлял наблюдение за точным исполнением законов и распоряжений правительства, обеспечивал общественное спокойствие и безопасность, заботился о благосостоянии вверенной его управлению губернии. Губернатору принадлежал надзор за всеми находящимися в губернии гражданскими ведомствами, правительственными и общественными учреждениями и должностными лицами, исключая судебные установления, учреждения государственного контроля, Государственного банка и высших учебных заведений. Губернатор являлся председателем губернского совета, осуществляя руководство через его структуры (общее, распорядительное административно-судное и дисциплинарное присутствия).

Таким образом, начиная с участкового и заканчивая губернским уровнями, создавалась единая и взаимосвязанная система управления, которую осуществляли правительственные чиновники-профессионалы, имеющие высокий социальный и административный статус, управленческий опыт. Рассчитывая сосредоточить в рамках возглавляемого им Министерства внутренних дел подбор и расстановку управленческих кадров различного уровня, Столыпин пытался сформулировать и отладить эффективную систему местного управления, которой и предстояло инициировать и стимулировать проведение реформ в регионах. Вполне понятно, что министр внутренних дел стремился подбирать таких сотрудников, которые разделяли его программу преобразования России и были готовы активно участвовать в реализации реформ.

Второй составляющей столыпинской реформы управления, начиная с уездного уровня, было урегулирование отношений между органами местного управления и самоуправления. В «Главных началах преобразования земских и городских общественных управлений» содержалась продуктивная мысль о необходимости создания в уездах и губерниях смешанных коллегий (губернские и уездные советы), состоящих на паритетных началах из правительственных должностных лиц и представителей местного самоуправления. Такие коллегии должны были четко определить и разграничить компетенцию и функции тех и других органов, а также выработать конкретные предложения по всему периметру совместно решаемых проблем.

В целях устранения обособленности между органами управления и самоуправления предлагалось следующее: преобразовать Совет по делам местного хозяйства на началах участия в нем выборных от земств и городов для предварительного обсуждения вопросов как законодательного свойства, так и распорядительных мер общего характера в области земского и городского хозяйства; расширить компетенцию земских и городских учреждений в областях: общественного призрения, народного здоровья, ветеринарного, продовольственного, строительного, пожарного, страхового дела, путей сообщения и средств связи, издания обязательных постановлений о развитии земледелия, торговли и промышленности. Все эти мероприятия были направлены на создание условий для продуктивной работы органов местного управления и самоуправления, которым и предстояло совместными усилиями проводить в жизнь системные реформы.

Ряд столыпинских реформ в области экономики и налоговой политики способствовал расширению экономических прав представителей крупного, среднего и мелкого бизнеса, получивших возможность доступа к освоению природных ресурсов, ранее безраздельно контролируемых государством, созданию разноуровневых профессиональных структур, ориентированных на защиту интересов предпринимательского

класса (страховые товарищества, отраслевые съезды, Советы съездов, арбитражные суды, примирительные камеры и т.д.). Одним из наиболее действенных и эффективных мер, способствующих экономическому возрождению России и вовлечению в этот процесс формирующегося среднего класса, Столыпин считал реформирование архаичной налоговой системы и введение рационального налогового обложения. В этом плане принципиальное значение имел законопроект о введении в России прогрессивного налога, который, с одной стороны, должен был изменить приоритеты налогового обложения с целью «достижения возможной равномерности обложения и возможного освобождения широких масс неимущего населения от дополнительного налогового бремени», а с другой – стимулировать личную экономическую инициативу.

Вводя прогрессивную шкалу налогового обложения (кстати, из него исключались наследства, дарственные получения, страховые вознаграждения, выигрыши по процентным бумагам, суммы, направленные на богоугодные, благотворительные и просветительские цели), правительство установило начальную сумму облагаемого имущества в размере 850 руб. в год, налог с которой исчисляли в сумме 6 руб. Причем в законе был прописан индивидуальный подход к каждой категории плательщиков, а также возможная система льгот. Так, по ходатайству плательщика, облагаемый доход которого не превышал 4 тыс. руб. в год и на попечении которого находились более двух, не имевших самостоятельного дохода, членов семейства (не достигшие 21 года, неспособные к труду вследствие болезни, достигшие 60-летнего возраста) сумма налога понижалась на один разряд за каждого, кроме двух, члена семьи. В случае продолжительной болезни плательщика участковое по подоходному налогу присутствие могло снизить сумму исчисляемого налога, но не более, чем на три разряда.

В тесной связи с проблемами экономического возрождения России и темпами ее экономического роста Столыпин подготавливал реформы в области обеспечения социальных прав и гарантий различных категорий населения. Так, предполагалось законодательно закрепить право рабочих на экономические стачки и ограничить административное вмешательство в решение вопросов труда и капитала, предоставляя тем и другим свободу действий посредством создаваемых переговорных институтов и структур. В целом комплексе законопроектов социального характера, охватывавшем миллионы рабочих и служащих, содержалась система мер, направленных на оказание материальной помощи неспособным к труду путем страхования на случай болезни, увечий, инвалидности, старости, а также на организацию врачебной помощи и пересмотр нормирования труда подростков и женщин (сокращение продолжительности труда, запрещение использовать труд детей и женщин на подземных работах и в ночное время).

Следует особо подчеркнуть столыпинскую идею об «охранении жизни и здоровья подрастающего рабочего поколения». Так, например, помимо сокращения рабочего дня, по сравнению с взрослыми рабочими, и недопущения к труду во вредных производствах, подростки освобождались ежедневно в рабочее время на 3 часа для посещения общеобразовательных школ. Весьма гибким и дифференцированным был подход к социальным гарантиям рабочих на случай болезни, инвалидности и смерти: врачебная помощь предоставлялась за счет владельцев предприятий, денежная помощь выдавалась больничным кассам, представляющим собой выборный орган рабочего самоуправления. Причем размер денежного пособия в случае болезни или увечья устанавливался в пределах от $\frac{1}{2}$ до $\frac{2}{3}$ заработка заболевшего, если на его иждивении находились жена и не достигшие 15-летнего возраста дети (законные, узаконенные, усыновленные или внебрачные), а также воспитанники и приемыши, или не достигшие 15-летнего возраста братья и сестры, круглые сироты или родственники по прямой восходящей линии. При ином семейном положении заболевшему рабочему выплачивалось от $\frac{1}{4}$ до $\frac{1}{2}$ заработка. В случае болезни денежные пособия могли выплачиваться в течение 26 недель, а при повторных заболеваниях в совокупности 35 недель в течение года. В случае получения увечья пособия выплачивались со дня несчастного случая в

течение 13 недель. Если же рабочий за это время не выздоравливал, то с 14 недели ему выплачивалось пособие в размере $\frac{2}{3}$ заработка. В случае же утраты трудоспособности рабочему выплачивалось пособие: при полной утрате $\frac{2}{3}$ его годового заработка; в особо тяжелых случаях в размере полного годового заработка. В случае смерти рабочего в результате несчастного случая пенсия выплачивалась: вдове ($\frac{1}{3}$), детям до 15-летнего возраста ($\frac{1}{6}$), круглым сиротам ($\frac{1}{4}$), родственникам в прямой восходящей линии, пожизненно, каждому в размере $\frac{1}{6}$, братьям и сестрам, круглым сиротам до 15-летнего возраста – $\frac{1}{6}$ годового заработка рабочего. Денежные пособия выплачивались беременным женщинам в размере $\frac{1}{2}$ заработка в течение двух недель до родов и в течение четырех недель после родов.

Наряду с социальным рабочим законодательством, правительством Столыпина был разработан пакет законопроектов, касающийся улучшения труда и быта различных категорий служащих (торговых, железнодорожных, почтовых, телеграфных), ремесленников, учителей начальной и средней школы, преподавателей высшей школы, академиков, членов-корреспондентов, чиновников, которым не только повысили заработную плату, но и значительно расширили права в деле создания разного рода профессиональных, общественных, культурнических организаций. Кроме того, практически все категории населения получили возможность пользоваться дешевым кредитом для улучшения своих жизненных условий, повышения своего образовательного и профессионального статуса.

Столыпин прекрасно отдавал себе отчет в том, что любой закон может быть действенным лишь в том случае, если он будет осознан и воспринят гражданами. В этом плане крайне важно было повысить их образовательный, профессиональный и культурный уровень. Для этого планировалось совместно с местным земским и городским самоуправлением создать единую и общедоступную сеть, включающую всеобщее начальное, среднее и высшее образование. Одновременно намечалось создание широкой сети различных типов профессиональных учебных заведений, дающих параллельно необходимый минимум общего образования, воскресных и вечерних школ, училищ, курсов для взрослых и подростков. Значительно были расширены льготы при поступлении в высшие и специальные учебные заведения. При этом наиболее талантливые, как учащиеся, так и учащие, получали поощрения, вплоть до направления для продолжения учебы за границу за государственный счет. Только просвещенная, трудолюбивая, целеустремленная личность, осознающая свои права и свободы и одновременно свою ответственность, могла, по мнению Столыпина, наряду с государством, стать движущей и созидающей силой, способной сделать Россию процветающей страной.

Большое внимание Столыпин уделял проблемам научного и культурного развития страны. Правительство выделяло значительные средства на научные экспедиции по исследованию побережья Северного Ледовитого океана, полярных и приполярных регионов, малых народов Севера, Дальнего Востока, Сибири, Кавказа и Закавказья; на создание новых высших учебных заведений, экспериментальных лабораторий; на реорганизацию Академии наук и ее отраслевых структур; на создание благоприятных условий для российских ученых (повышение окладов, закупка новейшего оборудования, заграничные научные командировки, участие в международных научных конгрессах, симпозиумах и конференциях, расширение сети научных журналов). Председатель Совета министров поощрял создание не только государственных, но и частных, а также общественных высших учебных заведений, в которых за доступную плату могли получать систематические знания малосостоятельные слои населения, в том числе рабочие, мелкие служащие, чиновники, заинтересованные в доступе к современным знаниям по самому широкому кругу проблем. Правительство инициировало и стимулировало создание отраслевых научных и производственных музеев, художественных галерей, отечественного кинематографа, открытие памятников и бюстов выдающимся деятелям науки и культуры. В эти годы весьма расширились коммуникационные связи между отечественными и зарубежными учеными и деятелями куль-

туры, которые интенсивно обменивались интеллектуальным опытом и практическими достижениями.

Успешная реализация столыпинских реформ способствовала дальнейшему развитию в стране инфраструктуры (новые железнодорожные, водные и грунтовые пути сообщения), изменению облика городов и поселков (появление трамваев, электрического уличного освещения, телеграфной и телефонной сети), строительству современных многофункциональных зданий и жилых домов (в том числе и в сельской местности), благоустройству окружающей среды (городские парки для отдыха и развлечения населения, театры и кинотеатры). Значительно возросло число средств массовой коммуникации (все виды книжной и журнальной продукции, включая дешевые издания для самых широких слоев городского и сельского населения). Повседневным явлением становилось чтение периодической печати, публичное обсуждение важных общественно-политических проблем.

Являясь противником силовых методов разрешения внешнеполитических конфликтов, особенно в условиях кризисной ситуации в России, Столыпин, вместе с тем, прекрасно осознавал гипотетическую возможность втягивания страны в их разрешение с применением вооруженной силы. В этой связи приведу два, на мой взгляд, ключевых высказывания Столыпина. «В мировой борьбе, в соревновании народов почетное место могут занять только те из них, которые достигнут полного напряжения своей материальной и нравственной мощи»⁴². «Народы забывают иногда о своих национальных задачах; но такие народы гибнут, они превращаются в назем, в удобрение, на котором вырастают и крепнут другие, более сильные народы»⁴³. Едва ли можно сомневаться в том, что Столыпин явно не желал и не хотел, чтобы русский народ стал «наземом» для укрепления других народов, и делал максимально возможное для того, чтобы Россия, в которую он верил, заняла бы подобающее ей место в мирном соревновании с другими странами. Для успеха такого соревнования необходимо было создать условия, с одной стороны, для мирного эволюционного развития России, а с другой – для превращения ее в мощную державу, обладающую таким военным потенциалом, который позволил бы в случае международных конфликтов выйти из них победительницей. Предлагаемые им реформы в военной сфере включали: перевооружение армии и флота новейшими видами вооружения; разработку нового воинского устава, введение льгот по отбыванию воинской повинности для различных категорий призывников, увеличение содержания офицерского состава, создание благоприятных условий для военнослужащих срочной службы.

Итак, из проведенного исследования можно сделать следующие выводы. Во-первых, Столыпин не только обладал аналитическим типом мышления, не только мог генерировать идеи масштабного преобразовательного характера, но и создал целостную программу реформирования России. Разумеется, он, будучи талантливым организатором, сумевшим сформировать вокруг себя «команду» единомышленников, не отбрасывал, а, наоборот, аккумулировал рациональные и перспективные проекты своих предшественников, синтезируя как по преимуществу национальный, так и западноевропейский опыт преобразований. Его историческая заслуга состоит в том, что он впервые применил системный подход при разработке и реализации реформ, охватывающих все без исключения ключевые сферы жизнедеятельности страны.

Во-вторых, предложенная Столыпиным программа системных реформ представляла собой национальный вариант (тип) модернизации России в условиях переходного времени от аграрного общества к индустриальному, от сословного к гражданскому, от неограниченного самодержавия к правовому государству. В сфере устройства политических институтов и структур, определения их прав и компетенций, технологических решений такой тип модернизации можно определить как консервативно-либеральный. Что же касается других сфер реформирования, то здесь явно преобладали либеральные начала.

В-третьих, Столыпину удалось создать синхронизированную «цепочку» преобразований, рассчитанную, с одной стороны, на переработку реформ, принятых в режиме

чрезвычайного законодательства по 87 статье Основных законов в систему законопроектов, в перспективе предназначенных для прохождения через Думу, а с другой – на разработку соответствующими министерствами и ведомствами комплекса обычных законопроектов, рассчитанных на ближайшую перспективу мирного эволюционного развития. Используя метод «двойной тяги» в области законодательства, Столыпин был убежден, что и в том, и в другом случае инициативную, а в ряде моментов и провокативную, роль должна играть исполнительная власть, ответственная перед монархом. Представляя в Думе законопроекты, он стремился, используя «коллективный разум и волю» народных представителей, презентовать их обществу и добиться через представительные учреждения их одобрения.

В-четвертых, консервативно-либеральный тип модернизации России, предложенный Столыпиным в условиях переходного периода, представлял, на мой взгляд, наиболее оптимальный вариант, который «отсекал», с одной стороны, правоконсервативную модель переустройства страны, а с другой – леворадикальные и экстремистские варианты, чреватые непредсказуемыми потрясениями и национальной катастрофой. Столыпинский тип модернизации был рассчитан на постепенную трансформацию России в «русском национально-государственном русле». Не случайно глава правительства столь пристальное внимание уделял укреплению государственности, системы административной власти как по вертикали, так и по горизонтали. В условиях переходного периода государство и его институты, по мысли Столыпина, должны функционировать в режиме «общего замысла» и «общей воли», инициировать и контролировать всю «цепочку» системных преобразований. Только при этом условии реформы могли быть реализованы и дать искомый результат – создать подлинно Великую Россию.

В-пятых, в сравнительно сжатые сроки столыпинских преобразований Россия достигла зримых и внушительных результатов во всех сферах жизнедеятельности. По темпам экономического роста страна вышла к 1913 г. на первое место в мире, а по валовому национальному производству на пятое место. Это свидетельствовало о том, что предложенный Столыпиным тип модернизации России оказался результативным и соответствующим ее общегосударственным и общенациональным интересам. На мой взгляд, это было связано с двумя важными обстоятельствами: во-первых, с правильным пониманием ролевых функций государства и его институтов в переходный период, а, во-вторых, с раскрепощением личности и использованием ее творческой энергии и самостоятельности во всех сферах жизни.

В-шестых, представляются несостоятельными попытки предъявить Столыпину запоздалый «счет» в подготовке основы для будущей революции в России («отец русской революции»), в последующем развале империи и росте национализма («первый русский фашист»). Результаты столыпинских преобразований свидетельствуют как раз об обратном. Недаром он был столь ненавидим как ультрареакционерами и правыми консерваторами, инстинктивно понимавшими, что реформы премьер-министра ведут к смене политической элиты в стране и трансформации форм собственности (прежде всего латифундиальной), так и леворадикалами и экстремистами, которые в случае удачи правительственного эксперимента оказались бы вне контекста политического процесса в России. Не случайно, трагическая гибель Столыпина в Киеве была с одинаковым ликованием встречена и реакционными, и экстремистскими кругами, осознающими, что успех реформ означает крах их собственных замыслов.

В-седьмых, после смерти реформатора намеченные им преобразования, разумеется, продолжались. Но у новых исполнителей его замыслов не хватало ни необходимой воли, ни энергии, которые были присущи Столыпину как премьер-министру. Поэтому было бы некорректным как с научной, так и морально-нравственной точек зрения предъявлять ему претензии за то, что делали уже другие. Столыпин действительно предложил рациональный тип модернизации России, четко и осознанно определил переходные сроки проведения системных реформ и не его вина, что последующая история распорядилась иначе.

Примечания

¹ См.: П.А. Столыпин. Библиографический указатель. М., 2002; *Анфимов А.М.* П.А. Столыпин и российское крестьянство. М., 2002; *Сидорович Г.П.* П.А. Столыпин. Жизнь за Отечество. Жизнеописание (1862–1911). М., 2002; *Кара-Мурза С.* Столыпин – отец русской революции. М., 2002; *Федоров Б.Г.* Петр Аркадьевич Столыпин. М., 2002; *Давыдов М.А.* Очерки аграрной истории России в конце XIX – начале XX в. (По материалам транспортной статистики и статистики землеустройства). М., 2003; Россия сельская XIX – начало XX века. М., 2004.

² См.: П.А. Столыпин: Программа реформ. Документы и материалы. Т. 1–2. М., 2003; Тайна убийства Столыпина. М., 2003; *Столыпин П.А.* Переписка. М., 2004.

³ *Столыпин П.А.* Нам нужна Великая Россия...: Полное собрание речей в Государственной думе и Государственном совете. 1906–1911. М., 1991; Столыпинская реформа и землеустроитель А.А. Кофод. Документы. Переписка. Мемуары. М., 2003.

⁴ См.: *Столыпин П.А.* Нам нужна Великая Россия... С. 338, 362, 363.

⁵ Там же. С. 50–51.

⁶ Там же. С. 51.

⁷ *Дякин В.С.* Столыпин и дворянство // Проблемы крестьянского землевладения и внутренняя политика России. Л., 1972. С. 233–234.

⁸ П.А. Столыпин: Программа реформ... Т. 1. С. 29.

⁹ Там же. С. 364.

¹⁰ Там же. С. 41

¹¹ Там же. С. 30.

¹² Там же. С. 29.

¹³ Там же. С. 103.

¹⁴ Там же. С. 51, 53.

¹⁵ Там же. С. 340.

¹⁶ Там же. С. 75.

¹⁷ Там же. С. 107.

¹⁸ Там же. С. 102–103.

¹⁹ Там же. С. 94–95, 165.

²⁰ Там же. С. 65, 158.

²¹ Там же. С. 130.

²² Там же. С. 63, 101.

²³ Там же. С. 174–175.

²⁴ Там же. С. 104, 156.

²⁵ Там же. С. 148, 304.

²⁶ Там же. С. 350.

²⁷ Там же. С. 63.

²⁸ Там же. С. 34, 50, 62–63, 86, 240, 264.

²⁹ Там же. С. 239.

³⁰ Там же. С. 106.

³¹ Там же. С. 151.

³² Там же. С. 102–107.

³³ *Столыпин П.А.* Нам нужна Великая Россия... С. 251.

³⁴ П.А. Столыпин: Программа реформ... Т. 1. С. 78–99.

³⁵ Там же. С. 107, 139.

³⁶ *Столыпин П.А.* Нам нужна Великая Россия... С. 53.

³⁷ Там же. С. 105.

³⁸ Там же. С. 247, 255.

³⁹ П.А. Столыпин: Программа реформ... Т. 1. С. 154–217.

⁴⁰ Там же. С. 252–308, 325–352.

⁴¹ Там же. С. 295.

⁴² *Столыпин П.А.* Нам нужна Великая Россия... С. 179–180.

⁴³ Там же. С. 149.